

Не везет так не везет!

Хоть с древних времен и существует поговорка: в такую погоду хозяин собаку из дома не выгонит, но человек — не собака, а значит, выгнать его вполне даже можно.

Действительно, что сделается здоровой двадцатилетней служанке от каких-то капель дождя и какого-то ветерка, неспособного сломать даже парочку-другую веток? Разве может стать стылая вода из луж причиной серьезного недуга? Конечно же, нет!

«Не сахарная, не растает! Ну пошмыгает девка носом парочку дней, ну изведет десяток попорченных платков? Все равно на тряпки выкидывать! Главное, чтоб заказ в срок, до полуночи, успела доставить!» — подумал хозяин лавки, всовывая в руки изумленно тарасившейся на него белошвейке корзину с носовыми платками и безжалостно выставляя ее за порог.

Осенний Висвард был окутан ночной мглою, моросил дождь; мелкий, противный, холодный, идущий уже не один день. Плотнее закутавшись в старенький плащ и торопливо спрятав намокшие пряди волос под капюшон, Танва прижала к себе корзину и смело ступила с высокого крыльца прямо в лужу. На мостовой было столько воды, что, обходя все разливы, она добралась бы до заказчика лишь к

утру, а туфельки все равно стали бы мокрыми еще до того, как девушка добежала бы до соседнего дома.

«Странные эти господа приезжие! На дворе вон какое ненастье, еще неделю дожди лить будут, а они о кружевных платках думают! Разве маленький платочек спасет от насморка? Тут и целое полотно вряд ли поможет! Приспичило же им именно к полночи три дюжины платков получить, не могли до утра подождать!» — сетовала про себя девушка, стараясь идти как можно быстрее и по возможности не думать о промокших, немеющих от холода ногах. Как будто услышав недовольные сетования белошвейки, дождь принялся лить еще усерднее, а его компаньон по непогожим забавам — ветер дунул так сильно, что чуть не сорвал с бедной, продрогшей до костей девушки плащ.

К счастью, дела у хозяина белошвейки шли успешно. Его дом находился в центре города, а поэтому большую часть пути Танва пробежала по хорошо освещенным улочкам, где, несмотря на поздний час и непогоду, еще можно было встретить прохожих. Пусть изрядно подвыпивших, шатающихся, мерзко выглядевших и извергавших из слюнявых ртов фривольные выкрики при виде припозднившейся девицы, но все же безобидных, а не тех злодеев, кто по ночам таится с острым кинжалом в подворотне, поджидая беспечную жертву. Хоть кошелька у белошвейки отродясь не было, а искусно вышитые платки не могли прельстить лиходеев, но девушка все равно жутко боялась встречи с ворами, разбойниками, бродягами и прочим отребьем. Она была красива и молода, ей было чего опасаться в столь поздний час.

У каждого города есть своя история, свои традиции, есть что-то, отличающее его от других городов королевства. В Персве варили лучшее в Манваре пиво, Кирданас славился своими красавицами, на верфях портового города Кельверборга строили самые быстроходные корабли, а в Висварде... в Висварде не любили приезжих. Именно по этой причине не только кишасшие клопами и вшами постоялые дворы, но и гостиницы для странствующей знати находились в той части города, куда не стоит заходить без крайней нужды даже днем, не то что ночью.

Свернув с ярко освещенной фонарями площади на темную улицу, Танва почувствовала себя не в своей тарелке. В этой местности молоденькая мастерица кружев вообще ощущала себя неуютно, так мало у нее было общего со всем, что ее здесь окружало. Рабочий квартал, грязные дома с выбитыми стеклами, вокруг пьяные лица и малоприятные взгляды, даже дворовые псы, казалось, смотрели на чужаков подозрительно и оценивающе, как на огромные куски свежего мяса, которого так не хватало в их скудном рационе.

С самого раннего детства девушка была сиротой, и память ее не сохранила даже жалких обрывков воспоминаний о родителях. Последние пятнадцать лет она прожила в лавке хозяина, где сначала нянчила детишек и мыла полы, а затем, встав перед небогатым выбором: отправиться в мастерскую или на кухню, — избрала изнурительный труд швеи. Лишь пару лет назад хозяин, по достоинству оценив ее мастерство, сделал ее белошвейкой, а до это-

го приходилось мастерить простыни, обшивать полотенца, а заодно и штопать носки всему многочисленному господскому семейству. Работа была тяжелая, в жизни мастерицы было мало радостей, но зато светловолосая красавица, на которую частенько заглядывались посетители, не голодала и не ведала нищеты.

Возможно, по этой причине девушка, не имеющая ничего, кроме пары стареньких юбок да изношенных туфель, но живущая в доме состоятельного горожанина, считала обитателей рабочих кварталов самыми жалкими существами, самыми мерзкими представителями городского дна, на которое ей, как всякому благоразумному человеку, не хотелось опуститься.

Как бы то ни было, а Танва порадовалась тому факту, что из-за плохой погоды на улочке не было ни души, и продолжала потихоньку продвигаться к своей цели, маленькому островку благополучия среди мусора и грязи; к дорогой и хорошо охраняемой гостинице «Рев вепря», находящейся в самом конце улочки.

Она спотыкалась в темноте, то и дело попадала в глубокие лужи, тихо ругалась, употребляя словечки, недостойные девицы, и упрямо продвигалась вперед. Ей оставалось лишь перейти дорогу, уходящую влево, по узкой тропинке пересечь небольшую свалку, сокращая путь, и вот они — железные ворота гостиничного особняка. Но когда продрогшей и промокшей белошвейке нужно было сделать всего двадцать-двадцать пять шажков до заветной цели, она вдруг замерла и принялась

настороженно озираться по сторонам. Что-то тут было не так... Девушку поразила непривычная уху тишина: не слышно было ни раскатистого смеха слегка пригубивших вино охранников, ни лая злых сторожевых псов. Танва не раз посещала «Рев вепря», правда, это было днем, а не ближе к полуночи, но все же на гостиничном дворе не могло быть слишком тихо. Слуги, конюхи или охранники нет-нет да нарушали бы сон постояльцев. Постояв немного, но так и не обнаружив ничего подозрительного, девушка направилась к воротам, размышляя, как подать сигнал, что она уже здесь. На ночь сторожа предусмотрительно убрали с ворот колодушку, а иначе им пришлось бы постоянно бегать за беспризорной, частенько не ночующей в родительских трущобах детворой.

Девушка крикнула, но, несмотря на то что в окнах первого этажа гостиницы горел свет, ей никто не ответил, со двора не послышалось ни собачьего лая, ни недовольного ворчания, ни шагов. Тишина еще больше насторожила Танву. Она осторожно подошла к ограде неподалеку от ворот и, прижавшись к холодным железным прутьям, попыталась разглядеть, что творится внутри.

Картина, представшая взору девушки, могла испугать и повидавшего всяких мерзостей на своем веку вояку. Двор был довольно сносно освещен, хотя половина фонарей погасла от дождя и ветра. Посреди, в шагах десяти от запертых ворот и примерно на таком же расстоянии от крыльца гостиницы, стояла запряженная карета с настезь рас-

пахнутыми дверцами. Тело возницы свисало с козел вниз головой, хотя самой головы как раз и не было... Из перерубленной шеи все еще сочилась кровь и узенькой струйкой стекала в багровую лужу на мостовой. Возле ворот неподвижно лежало тело охранника. Танва не могла разглядеть, жив он или мертв, поскольку видела лишь его ногу.

Определенно, приезжие господина собирались отправиться в поздний путь, и стоило им лишь сесть в экипаж, как их постигла внезапная смерть. Первым погиб пожилой дворянин, погиб мгновенно, скорее всего, даже не успев сообразить, что отправляется не в обычную поездку, а в свой последний путь. Острое, короткое копье пронзило стенку кареты, вошло ему в спину и вышло наружу примерно на целый локоть. Из окровавленной груди вельможи торчал не только зазубренный наконечник, но и довольно длинный отрезок деревянного древка. Сопровождавший мужчину юноша успел вскочить с заднего сиденья, но это его не спасло. Мертвое тело лежало в трех-четырех шагах от распахнутой дверцы, причем поза была настолько неестественной, что даже у никогда не видевшей прежде мертвецов белошвейки не возникло сомнений. Торчащий точно между лопатками кинжал настиг юношу в прыжке, а сила броска была столь велика, что тело прогнулось назад еще в воздухе, и поэтому приземлилось не на живот, а на спину, и только затем завалилось на бок.

Во дворе было еще несколько трупов. Слева от кареты, вытянув лапы, валялся огромный сторо-

жевой пес, а прямо поверх него лежал стражник с мечом в руке, словно закрывая четвероногого друга своим телом. В распахнутых настежь воротах конюшни сидел молодой парень в перепачканном навозом переднике. В одной руке конюх сжимал вилы, а другой ухватился за грудь в тщетной попытке остановить обильное кровотечение. Чуть подалеже виднелась еще одна неподвижная фигура, но ее уже было не разглядеть.

Танва не успела даже как следует испугаться, как из-за кареты вышел невысокий мужчина в черной, плотно облегающей стройную фигуру одежде с поднятым капюшоном. Убийца, а девушка не сомневалась, что виновником бойни был именно он, нисколько не походил на воина, уж больно тщедушным казалось его тощеватое тело. Однако окровавленный по самую рукоять меч в правой руке не оставлял сомнений как в ремесле странного человека, так и в том, что самые опасные противники порою выглядят совсем не внушительно.

К счастью, злодей смотрел не в сторону ворот, а разглядывал салон кареты, как будто пытался что-то найти внутри, возле бездыханного тела. Как всякой нормальной женщине, Танве захотелось закричать во все горло, но она усилием воли подавила инстинктивный порыв и не издала ни звука, боясь даже пошевелиться, чтобы убийца ее не заметил. Тяжесть в ногах постепенно ушла, шок прошел. Случайная свидетельница кровавого преступления уже собиралась потихоньку сбежать, но стоило ей лишь расцепить руки, сжимавшие прутья ре-

шетки, как мужчина резко повернул голову. Он не мог услышать тихий шорох платья, ни одному человеку такое было не под силу, но он услышал, и теперь неотрывно смотрел туда, где в тени возле ограды пряталась испуганная белошвейка.

Маленький шажок вперед, и свет факела упал на лицо убийцы. Сердце Танвы сжалось от ужаса, девушка чуть не вскрикнула. Под капюшоном лица не было, была лишь маска; гладкая, блестящая поверхность без прорезей для глаз, на которой бесновались в безумной пляске отражаемые языки пламени факелов. Танва взяла себя в руки и замерла, она боялась даже дышать, но это все равно не помогло. Враг ее заметил, однако не побежал, не кинулся к ограде, а всего лишь сделал осторожный, крадущийся шаг в ее сторону. Сердце белошвейки опустилось в пятки и придало им быстроты. Позабыв возле ограды корзинку с кружевными платками, девушка кинулась прочь от гостиницы.

* * *

Еще ни разу в жизни Танва не бегала так быстро! Подобно напуганной лани, она неслась по кустам и лужам, не разбирая дороги, какая там тропинка, где что... Спускаясь с невысокой насыпи, девушка налетела на еще одно мертвое тело, споткнулась, едва не упав, и задела рукой какой-то небольшой предмет, валявшийся на земле. Оттолкнувшись от мокрой травы, она бросилась дальше. Только оказавшись в густых зарослях какого-то кустарника довольно далеко от дороги, беглянка

позволила себе передышку. Тут-то она и обнаружила, что вместо позабытой у ограды корзинки держит в руках черный, обшитый кожей цилиндр, в которых служащие из городской управы и прочие королевские чиновники обычно хранят самые важные грамоты.

«Наверное, это и искал убийца! Наверное, со страху я в это вцепилась и прихватила с собой. Вот, дуреха! Что же теперь с ним делать?!» — подумала белошвейка и не на шутку испугалась за свою жизнь. Убийца мог бы оставить в живых случайного свидетеля своего злодеяния, но ни за что не отказался бы от добычи, ради которой, собственно, и зарезал нескольких человек.

Предположение подтвердилось. Буквально через несколько кратких мгновений Танва увидела из своего убежища, как на насыпи появилась темная фигура. Примерно в том месте, где девушка споткнулась, убийца остановился и начал топтаться на месте, как будто что-то осматривая. Вдруг фигура метнулась по направлению к кустам, где, затаив дыхание и на всякий случай зажав себе рукой рот, пряталась белошвейка. Сердце в груди колотилось так, что девушка всерьез начала опасаться, как бы его стук не выдал ее. Но преследователь не добрался до жертвы, а куда-то свернул, наверное, там была еще одна дорога, потому что вскоре послышался цокот копыт, конское ржание и скрип проржавевших каретных рессор, а еще через пару мгновений стало ясно, что именно вспугнуло злодея. К воротам подъехали сразу две кареты, из них вышли люди, без доспехов, но при оружии...

«Надо бежать, и как можно быстрее! — подумала Танва, — странные дела творятся этой ночью». Легко сказать «бежать», а как это осуществить на практике? На четвереньках выбравшись из кустов, девушка решила не рисковать, возвращаясь тем же путем, которым сюда попала. Правда «Рев вепря» она посещала нечасто и другой дороги просто не знала, но это ведь не значит, что ее не существовало! Потихоньку пробираясь вдоль насыпи, скользя на размытой глине и мокрой траве, проклиная все на свете, Танва наконец добралась до следующего переулка, который должен был вывести ее на ближайшую площадь; туда, где было светло и где хоть изредка, но все же прохаживались патрули стражи. «Свидетели долго не живут, — крутилось у нее в голове. — Хотя какой из меня свидетель? Я же ничего толком не видела и совсем уж ничего не сумела понять...»

Дойдя до середины переулка, Танва вдруг осознала, что совершает ошибку. Если загадочный убийца в зеркальной маске не оставил надежду настигнуть ее, то как раз в этот момент рыщет по подворотням и на улочках около площади. Хладнокровный охотник встал на место напуганной жертвы, а у промокнувшей и продрогшей до костей добычи хватило ума предположить возможные шаги своего преследователя. Танва побоялась отрываться от спасительного укрытия старых домов и запущенных кустарников. Словом, вместо того чтобы быстрее бежать домой, где ее ожидал весьма тяжелый разговор с хозяином, она свернула во двор одного из старых одноэтажных домов.

Дождь все усиливался, бродяга-ветер чуть не сдувал плащ и тщетно пытался забраться красавице под юбку. Ситуацию необходимо было обдумать. Прежде всего девушку мучил вопрос, как же рассказать о происшествии и избежать знакомства со смоченными в рассоле хворостинами. Хозяин мог осерчать, ведь в эту проклятую ночь он лишился не только товара, не только срочного заказа, но и самих заказчиков. Хоть девушка была и невиновна в срыве выгодной сделки, но попадаться толстяку под горячую руку ей все равно не хотелось.

Разумно рассудив, что лучше немного перевести дух и собраться с мыслями, белошвейка решительно подобрала длинный подол юбки и, перешагнув через невысокий заборчик, направилась к небольшому сарайчику с намерением укрыться от дождя. К счастью, крыша у развалюхи имелась, притом в довольно сносном состоянии, а вот дверь отсутствовала.

Войдя в сарайчик, Танва насторожилась: там явно кто-то был. Приятный запах дорогих духов защекотал ноздри, а в дальнем углу послышался тихий шорох. Девушка уже сделала шаг назад, готовая бежать прочь, как вдруг из темноты послышался чуть хриловатый, но приятный, ласкающий слух женский голос:

— Ты кто?

Голос прозвучал уверенно, но в то же время и настороженно.

«Бегство пока что отменяется», — решила белошвейка и как можно спокойнее произнесла:

— Да вот хочу дождь переждать, а то промокла вся...

Глаза постепенно привыкли к темноте, и Танва смогла немного разглядеть собеседницу. Молодая богато одетая женщина, явно благородного происхождения, сидела на низенькой скамеечке, подобрав полы длинного черного плаща. Ее гладкие волосы, доходившие всего лишь до плеч, казались черными. Лица в темноте не было видно, мелких деталей одежды тоже. Однако то, что удалось рассмотреть, и запах дорогих духов наводили на мысль, что подобная женщина должна раскатывать по городу в шикарнейшей карете, ночи проводить на балах, а вовсе не мокнуть под дождем и не дышать смрадной прелостью тухлявого, брошенного сарая.

Пока белошвейка изучала случайную компаньонку по сырости и затхлости, незнакомка разглядывала ее с аналогичным любопытством. Потом она вдруг встала, подошла к Танве вплотную, обошла кругом, словно примериваясь, с какой стороны начать ее есть, и радостно закивала головой. Хотя дорогие камни и не украшали дорожное платье дамы, но девушка не сомневалась: ей выпала честь делить подтекающий кров с очень знатной особой, никак не меньше графини...

— А что, госпожа, вы здесь делаете? — робко спросила Танва и испугалась собственной дерзости.

Благородная незнакомка не обратила внимания на наглую выходку простолюдинки (обычно в Висварде за подобное любопытство чернь наказывалась плетью) и продолжала пристально разглядывать белошвейку. Пройдясь пять раз, не меньше, вокруг девушки, дама наконец-то остановилась и властно произнесла:

— Подходишь! Снимай платье и плащ!

— Что? — переспросила девушка, не поверив услышанному.

— Стаскивай свое тряпье, дура! — прикрикнула госпожа, но потом вдруг заговорила мягче и даже одарила простушку улыбкой. — Не бойся, я просто решила оказать тебе честь! Немножко побудешь мной, вот и все!

— Что?! — снова спросила Танва, так и не поняв, чего же от нее хочет дама.

— Платьями поменяемся, дуреха, вот что! — терпя терпение, прикрикнула незнакомка. — Счастье тебе великое выпало, глупая! Человеком побудешь, в приличной одежде походишь, а я надену твое грязное убожество!

Благородные господа редко когда делают что-то просто так, из любви к низкородному ближнему, а уж дамы и подавно. Танва не знала, в чем дело, но интуитивно почувствовала, что надменная красавица втягивает ее в очень неприятную историю. Быть может, она набедокурила при дворе герцога и теперь скрывается от его слуг, а может, всего лишь спасается бегством от похитившего ее воздыхателя. Как бы там ни было, чем бы ни отличилась аристократка, а расхлебывать за нее неприятности девушке не хотелось, хоть предложенное платье, несомненно, ей очень понравилось.

Начав для отвода глаз потихоньку развязывать тесемки старенького плаща, Танва резко рванулась к спасительному выходу, но вдруг ощутила, что ее ключицы больно сжали твердые, как сталь, тиски.

Резкий рывок назад — и дрожащая белошвейка уже была прижата лицом к сырым, скрипучим доскам стены сарая, на лопатки девушки навалилась непосильная тяжесть, а неприкрытая расстегнувшимся воротничком шея ощутила горячее, ровное дыхание прижавшихся вплотную губ незнакомки.

— Поиграть со мной вздумала, дрянь?! — не прошептала, а прошипела, как гадюка, на ухо девушке знатная особа. — Эх, и показала бы я тебе... научила бы слово господское уважать, но твое счастье, мне платье в целости нужно, терпеть не могу в рванине ходить! Еще вздумаешь дурить, я тебя!..

Вместо того чтобы пугать простолюдинку пустыми, далеко не всегда воспринимаемыми всерьез угрозами, аристократка перешла к действию и продемонстрировала, на что способна. Танва почувствовала, как ее беззащитную шею сильно сдавили очень острые зубы. Тонкая кожа девушки не выдержала молниеносного напора клыков, и в следующий миг по ключице потекла теплая жидкость.

«Это же кровь... моя кровь! Вампириша! — с ужасом подумала белошвейка, балансируя на грани потери сознания. — Неужто все?! Неужели я умру?!» Однако у очаровательной вампириши имелись свои планы на жертву. Возможно, аристократку и мучила жажда, но холодные соображения целесообразности взяли верх над пылкими инстинктами кровожадного зверя. Крепкие челюсти разжались, а затем Танва ощутила легкое прикосновение шершавого языка, быстро лизнувшего ее шею. Кровь

мгновенно перестала течь, а зудевшие ранки тут же затянулись, как будто их и не было. Хватка вампириша ослабла, и почувствовавшая слабость в подкашивающихся ногах белошвейка едва не упала на грязный и мокрый пол сарая.

— Стоять! Возьми себя в руки, девка! — вновь прошипела сквозь зубы незнакомка, а затем резко развернула обмякшее тело, снова прижала его к стене, но на этот раз уже спиной, и принялась приводить в чувство теряющую сознание барышню звонкими пощечинами.

Пары обжигающих щеки ударов хватило, чтобы связь с окружающим миром была восстановлена. Танва хоть и шаталась, но уже пришла в себя. В голове девушки вдруг возникла странная прострация, полнейшее безразличие к происходящему, и она покорно начала стягивать с себя старенькое платьице.

Никогда в жизни Танве не приходилось раздеваться за пределами ее маленькой спальни, тем более у кого-то на глазах. Девушка не только боялась, но и ужасно смущалась, а ее руки предательски дрожали и никак не могли совладать с выскальзывающими из пальцев крючками застёжек. Куда более опытная в вопросе обращения с изысканным гардеробом дама быстренько распрощалась со своим платьем и двумя нижними юбками, а затем пришла белошвейке на помощь. Нагой девушка пробыла не более секунды. Как только она избавилась от платья, уже обнаженная незнакомка отшвырнула его в дальний угол сарая и, вместо того чтобы

одеваться самой, стала помогать не привыкшей к богатым нарядам простолюдинке надевать на себя корсет и юбки. На миг белошвейка почувствовала себя знатной дамой. Это ощущение возникло не столько из-за приятной мягкости и благоухающего аромата дорогих одежд, сколько из-за самого факта, что ее одевают, наряжают, как куклу.

Окончив борьбу с застежками на спине, вампирша виртуозно сделала Танве макияж и ловко скрутила длинные пряди волос, скрепив их заколкой, затем, стянув с головы парик, надела его на обомлевшую девушку. Когда же незнакомка распустила свои волосы, Танва ахнула: они были светлые и такой же длины, как ее. И вампирша, и ее жертва были примерно одинакового роста и комплекции, то есть издали вполне могли сойти друг за друга. По крайней мере, в темноте сарая белошвейке на миг показалось, что перед ней стоит ее собственное отражение и к тому же еще придиричиво ее разглядывает. Вампирша удовлетворенно хмыкнула, явно довольная достигнутым эффектом, с сомнением покосилась на стоптанные туфли жертвы, махнула рукой, словно говоря: «Ладно, сойдет!» — и скороговоркой пробормотала:

— Сперва я, потом ты! Но не сразу... досчитай до пятидесяти — и вперед! Кому лишнее сболтнешь, прикончу! — пригрозила дама и, натягивая на ходу старенькое платье белошвейки, быстро двинулась к двери.

Не успела Танва и глазом моргнуть, а вампирша уже растворилась в темноте, словно и не было ее вовсе. «Причудилось! Приснилось!» — подумала

девушка, и только шлейф из аромата дорогих благовоний тянулся за таинственной дамой, как последняя связывающая аристократку и белошвейку нить. Впрочем, теперь от бедной девушки пахло точно так же.

Досчитав пять раз до десяти, поскольку счету простолюдинку никто не обучал, Танва бережно подобрала длинный подол платья и уже собиралась уходить, как снова наткнулась на кожаный цилиндр, случайно прихваченный по дороге. Заглянув внутрь, она обнаружила там какие-то старые, источающие специфический аромат свитки. Разглядывать находку времени не было, да и что обычная девушка, а не вампир, смогла бы увидеть в темноте? К тому же ее мало интересовало, какую тайну скрывали в себе записи, из-за которых погибло столько людей. Танву даже не мучил вопрос: а что же делать с этим проклятым цилиндром? Простые люди мыслят практично, приземленно; им несвойственно задумываться о высоких материях и помышлять о спасении всего человечества. На данный момент попавшую в переделку белошвейку куда более волновало, как же ей объяснить хозяину лавки свое возвращение без денег, без товара, но в баснословно дорогом платье.

* * *

«Самые сложные проблемы решаются сами собой!» — так говаривали в Висварде, и в эту ночь Танва убедилась в правдивости этой народной мудрости. До площади Повядших Роз, то есть до бли-

жайшей местности, где горели фонари и которую патрулировала стража, девушка добиралась довольно долго. Размытые дождями нечистоты, разбросанный где попало хлам и плохо освещенная дорога превратили дорогое платье в рваные, заляпанные грязью лохмотья. Нет, конечно, сведущий в тканях и в покроях модник непременно догадался бы, что наряд на девушке был дорогой, но только больно уж в плачевном состоянии. Однако, к счастью, хозяин лавки не принадлежал к числу изысканных хлыщей, он даже не замечал, чем отличаются платья, в которых ходит его жена, от обносков простых служанок.

Пройдя через три безлюдных пустыря и мимо десятка домов с окнами, наглухо закрытыми ставнями, Танва, наконец, оказалась на площади. Дождь к утру стал лить еще сильнее, поэтому вокруг не было ни души: видимо, стражники значительно укоротили маршрут патрулирования, а боявшиеся случайно упасть и утонуть в разлившихся лужах гуляки отчаялись добраться домой и заночевали по подворотням.

Внезапно навалившаяся усталость заставила девушку сбавить шаг. Она уже давно промокла до нитки и стала ощущать первые признаки простуды: лицо пылало нездоровым румянцем, глаза слезились, а в горле появилась резь. Ей нужно было как можно быстрее добраться до дому и, приняв ложечку меда с чашечкой простого кипятка, занырнуть под теплое одеяло, где ей, возможно, позволили бы забыться безмятежным сном на два-три

часа. Однако сил идти уже не было, уставшие ноги еле-еле передвигались, а в голове вновь появились тревожные мысли.

Платье знатной дамы потеряло свой изысканный вид, и хмурый толстяк-хозяин даже не обратил бы на него внимания. Отсутствие денег и пропажу товара было легко объяснить. Танва собиралась рассказать чистейшую правду, без вымыслов и утаек, тем более что к полудню наступающего дня весть о ночной резне на гостиничном дворе облетит весь город. Но вот кожаный цилиндр, который она до сих пор держала в руке, мог вызвать серьезное недовольство хозяина.

«К чему тащить в дом вещь, за которой охотится злодей-убийца? Не проще ли избавиться от нее? Да и зачем мне она понадобилась? Сама не пойму, чего с собой прихватила?!» — подумала Танва и, не раздумывая, перебрехала, возможно, весьма ценный для кого-то предмет через невысокую ограду пустующего дома.

Окрыленная удачным избавлением от опасной вещи, девушка ускорила шаг. Похоже, загадочный убийца окончательно потерял ее след, и теперь белошвейке оставалось пройти каких-то триста-четырееста шагов до лавки, где ее ждали теплый очаг, остатки ужина и сухая сорочка.

Проходя мимо цирюльни, Танва услышала какой-то странный, скрежещущий звук. Она быстро оглянулась, но никого поблизости не было, лишь дождь барабанил по камням мостовой, по черепицам крыш да железным карнизам. Белошвейка по-

думала, что ей померещилось, и продолжила путь, но в этот миг ей на плечо легла чья-то тяжелая рука.

— Повернешься, прирежу! Где он?! Где свиток?! — произнес вкрадчивый голос, от которого у девушки по спине пробежали мурашки. — Куда ты его дела?! Отвечай!

Трясущаяся от страха Танва и не собиралась ничего утаивать. Она готова была честно признаться, куда бросила цилиндр, а с ним и проклятый свиток, да только что-то как будто застряло в горле и не давало ей говорить. Танва вдруг отчетливо поняла, что сейчас, впервые за всю жизнь, у нее начнется настоящая истерика и что никаким усилием воли ее не предотвратить.

Неизвестно, удалось бы белошвейке совладать с собой или нет, добился бы злодей от нее признания или, отчаявшись получить ценные сведения, вонзил бы кинжал ей в спину и оставил бы бездыханное тело на мостовой. В монотонную песнь дождя внезапно ворвались новые звуки: скрип рессор, цокот копыт и кричащие голоса. Из проулка впереди вылетела черная карета и, не сбавляя ходу, понеслась напрямиком на убийцу и его жертву.

— Вот он, не уйдет! Держи гада! — кричал высокий длинноволосый мужчина, стоящий на подножке кареты и размахивающий в воздухе двуручным мечом.

Всего в экипаже, кроме возницы, ехало четверо вооруженных мужчин. Это были те самые люди,

что спугнули убийцу возле гостиницы. Вид у них был воинственный, и внешность полностью соответствовала содержанию. В длинноволосом красавце с двуручным мечом белошвейка сразу узнала Тибара, старшего сына графа Ортана, представителя одного из древнейших родов города, да и всего королевства. В Висварде о молодом графе ходили дурные слухи: одни горожане считали его кровожадным зверем, принявшим человеческое обличье; другие восхищались им, как поборником справедливости, но и те, и другие сходились в одном — рубакой Тибар был отменным, и даже задиры-рыцари из гвардии короля не рискнули бы сойтись с ним в честном поединке.

Здраво оценив свои шансы и не решившись вступить в открытый бой сразу с четырьмя сильными противниками, злодей в черном одеянии резко оттолкнул Танву и бросился бежать. Он двигался быстро и, возможно, завернув в подворотню, смог бы уйти от погони, но как раз оттуда, где он хотел скрыться, выехала еще одна карета и преградила ему путь.

Лежа в луже на боку и растирая обеими руками ушибленную коленку, девушка почти не видела, как протекала схватка. Шагах в двадцати от нее звенела сталь и что-то мелькало, затем шум битвы стих и слышались чертыханья. Видимо, попавшемуся в западню убийце все же удалось уйти от преследователей.

Восстановив кровообращение пострадавшей конечности и более не опасаясь, что на коленке появится огромный кровоподтек, девушка поднялась

из лужи и осмелилась посмотреть туда, где недавно шумел бой, а теперь стояло две кареты и толпились семеро мужчин. Она оказалась права, злодею действительно удалось улизнуть да еще тяжело ранить одного из товарищей графа Ортана. Широко раскинув в стороны руки, раненый лежал на земле, а трое его соратников пытались остановить кровотечение. Тибар стоял рядом и, задрав голову вверх, осматривал крыши ближайших домов. По всей вероятности, убийца сбежал именно этим путем, но как ему удалось вскарабкаться высоко вверх по отвесной стене, да еще во время боя, для Танвы так и осталось загадкой. Впрочем, белошвейка и не собиралась ломать над этим голову, ее обеспокоило совсем иное. Окончив осмотр крыш, граф сначала лишь мельком взглянул на прихрамывающую девушку, но затем на его лице появилось выражение искреннего удивления, и молодой граф быстро пошел, почти побежал в ее сторону.

— Викольт, кого я вижу! Вот уж воистину бывают в жизни чудеса! Дразмар нюни распустил, думал, ты в столицу подалась, а она вон где! Шастает по городу и приключения на свои округлости ищет! Угораздило же тебя, дуреха, с самим гаржей связаться! — рассмеялся вельможа и подал девушке руку. — Но нет худа без добра! Вот и моему братцу счастье наконец привалило!

Белошвейка инстинктивно отпрянула назад, девушка не привыкла к тому, что знатные господа оказывают ей знаки внимания, и просто растерялась.

— И не мечтай, красавица, я тебя никуда не от-

пушу! — взяв девушку за руку, произнес Тибар и, не спрашивая согласия дамы, повел ее к карете. — Сейчас к нам поедет, и пока вы с Дразмаром на чем-то не сойдетесь, тебя со двора не выпустят. Не дело убегать, не выяснив отношений. Роман сама закрутила, винить некого. Так теперь имей смелость в лицо человеку сказать, что ты его разлюбила!

— Милостивый государь, вы меня с кем-то путаете! — попыталась вразумить графа Танва, но ее слова лишь вызвали дружный хохот всей воинствующей компании.

Смеющийся Тибар ничего не сказал, только покачал головой, а затем, бережно усадив вяло сопротивлявшуюся девушку в карету, закрыл дверцу и приказал кучеру: «Трогай!» Парочка его дружков, а может, слуг запрыгнули на ступеньки отъезжавшего экипажа и преградили своими телами оба пути к бегству: девушка не могла выпрыгнуть на ходу, она не могла даже открыть дверцы кареты.

ГЛАВА 2

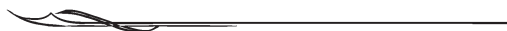
Две пропажи, два свидания

Мягкое сиденье, удобные подлокотники, тепло и умелый возница, ведущий карету нежно, без лишней тряски, способны творить чудеса. Танва пригрелась и не заметила, как ее одолела дрема. Мир исчез, растворился, а пережитые волнения куда-то ушли, уступив место всепоглощающему забытью. Последнее, что девушка еще помнила, были крики извне, снаружи мерно раскачивающегося экипа-

жа. Кто-то, не скупясь на грубые слова и непристойные выражения, отчитывал замешкавшихся слуг, слишком долго открывавших ворота. Потом была пустота, долгий, расслабляющий отдых без сумбурных снов, ужасных кошмаров или несбыточных девичьих грез.

Сколь безмятежным был сон, столь тревожным оказалось пробуждение. Девушка очнулась на мягкой кровати не под обычным лоскутным пледом и даже не под пуховым одеялом, которым укрываются благородные господа и зажиточные горожане, а под настоящей теплой медвежьей шкурой. Но самое страшное — она лежала абсолютно нагой. Кто-то не только перенес ее спящую из кареты в дом, не только уложил на господскую кровать, но и раздел... Сердце Танвы сжалось от страха, в голове промелькнула мысль, а не совершил ли заботливый благодетель что-то еще, совсем не благородное, а, наоборот, греховное?

«Чужие, возможно мужские, руки дотрагивались до моего тела!» — от осознания этого прискорбного факта бедняжка чуть ли не сошла с ума, но потом успокоилась, ведь то, о чем она даже боялась подумать, не проходит бесследно, по крайней мере, так утверждали ее старшие, более опытные в жизни подруги. Паника не охватила сознание и отступила. Танва приподнялась на локтях, чтобы осмотреть помещение, в котором она находилась, но стоило лишь ей пошевелиться, как тут и началось: в висках загудело, затылок пронзила боль, а во вдруг заслезившихся глазах помутнело. Кроме

ОГЛАВЛЕНИЕ

Глава 1	
НЕ ВЕЗЕТ ТАК НЕ ВЕЗЕТ!	5
Глава 2	
ДВЕ ПРОПАЖИ, ДВА СВИДАНИЯ	27
Глава 3	
ТИХИЕ НОЧИ ВИСВАРДА	52
Глава 4	
ПРОВАЛ АРТОРИСА ВЕЛИКОЛЕПНОГО	78
Глава 5	
В ПРЕДДВЕРИИ ГРЯДУЩИХ БЕД.	105
Глава 6	
СОЮЗНИКИ ПОНЕВОЛЕ	141
Глава 7	
ГРАФСКАЯ ОХОТА	170
Глава 8	
ЖЕРТВЫ ЗАБВЕНИЯ.	201
Глава 9	
ЛИЦО ВРАГА.	228
Глава 10	
СМЕРТЬ ЗА СМЕРТЬ	257
Глава 11	
ЗАТЕРЯННЫЕ В ТУМАНЕ	290
Глава 12	
ВРЕМЯ ДЛЯ ПРАВДЫ	322
Глава 13	
НАДЕЖДА БЕССМЕРТНА!	348
Глава 14	
ПРОПАВШЕЕ ЖЕЛАНИЕ	371